

блаженный
Иоанн

Бесконечная симфония
ЧИСТОЙ ЛЮБВИ

АФОРИЗМЫ МАКСИМЫ СЕНТЕНЦИИ

Составитель: Петро Сорока

‘Мир Софии’

ПРЕДИСЛОВИЕ

*...И Христос,
и алтарь,
и Соловки, и свеѣа...*

*или
энциклопедия дат,
времен, мыслей
страданий*

Блаженный Иоанн – выдающаяся личность, предстающая перед нами в различных ипостасях, как то: отец – пастырь – избранник Божий – писатель – проповедник – молитвенник – пророк – исповедник – собеседник – издатель...

На сегодняшний день им написано и издано около 400 книг и 300 брошюр. Поражает уже сама цифра. Но не только.

Содержание поражает не меньше. Книги блаженного Иоанна мистериены, считаны с небес и продиктованы Высшей Силой. Об этом он говорит так: *'Я ничего не пишу, - диктую... списываю сверху. Мне диктуют, и я диктую...'*

Почему именно афоризмы?

Прежде всего потому, что они самый легкий и самый доступный ключ к пониманию сложной мировоззренческой теории автора. Придет время (не может не прийти!), когда будут изданы на украинском фундаментальные труды блаженного Иоанна. Но заглянем в этот манящий и прекрасный мир через окошко максим и отомкнем дверь ключом избранных сентенций.

Афоризм - вершина литературного совершенства. В нем все: глубина и неожиданные повороты мысли, интересное обобщение, безграничные особенности языка... У большинства маститых писателей удачный афоризм, который сам по себе открывает неохватные горизонты и может существовать как воплощение абсолютной формы - изрядная

редкость. У блаженного Иоанна речь удивительно афористична. Он рассыпает краткие обобщения и взрывные строки, что называется, целыми пригоршнями.

Большинство афоризмов, собранных и тематически структурированных в этой книге, взяты из 'Дневников' писателя, изданных на сегодня в четырех томах общим количеством более 4 тысяч страниц (!).

Питаю надежду, что в свою очередь эти дневники также вскоре будут переведены на украинский язык, поэтому позволю себе сказать о них шире.

Едва ли не двадцать лет назад я высказал мнение, что в грядущем тысячелетии в литературе будут доминировать мемуарные жанры и прежде всего дневники. К такому выводу побудили более чем очевидные тенденции: беллетристика исчерпывает себя, жанр романа ветшает, и вообще интерес к постмодернистской литературе, которая захватила господствующие позиции, катастрофически падает. Спасти ситуацию, по крайней мере выровнять ее, может

только тот жанр, который возникает из фундаментальных основ – правды и исповедальности.

Так думалось мне тогда, таково мое убеждение и сегодня. И я позволил себе бросить пророческий лозунг или скорее предположение: грядет эра дневников! И еще записалось тогда в записной книжке:

‘Повторяю как заклинание: не должно быть ничего интереснее внутреннего мира человека. Все преломляется через душу, все проходит через нее, поэтому дневники – вершинный жанр литературы. Жанр прошлого и будущего’.

Изменилось ли что-нибудь за эти два десятилетия, сбывается это предположение? Еще до недавнего времени мне думалось, что нет, или слишком вяло. Но появление четырех томов блаженного Иоанна меняет ситуацию если не кардинально, то существенно. Это издание не просто знаковое и этапное для нашего времени – это эпохальное издание! Но об этом чуть позже. А пока что о дневниках в целом.

Были времена, когда читательский интерес к дневникам ошутимо рос, была даже мода на них, скажем, в эпоху сентиментализма и романтизма, дневники вели не только профессиональные литераторы, но и рядовые люди... Но дневников, которые бы имели неоспоримую художественную ценность, а не просто историческую, богатую достоверными деталями (дневники Гийома Боплана, Даниела Крмана и др.), всегда было маловато. Почему? Художники не обращали внимания на форму выражения, в основном фиксировали свои 'дни и труды', не утруждали себя новаторскими поисками, и получалось что-то вроде 'бухгалтерских отчетов'.

Как по мне, настоящая добротная дневниковая проза появилась только в XIX столетии и связана прежде всего с именами французов Жюль Ренара и братьев Гонкуров (изданы в 28 томах). Затем на новую ступень ее вознесли поляк Витольд Гомбрович (оставил три тома), россиянин Михаил Пришвин (30 томов), немец Макс Фриш, творчество которого выросло из дневников. Удачно эксперимен-

тировали с дневниковой формой Генри Д. Торо, Стендаль и особенно Василий Розанов. Список можно продолжить.

Неоспоримую ценность имеют дневники классиков литературы, которые хоть и не изумляют подчас экспериментальными находками, но поражают глубиной мысли и художественным воспроизведением событий и человеческих характеров. Таковы дневники Вальтера Скотта, Льва Толстого, Александра Блока, Елены Булгаковой, Евгения Шварца, Франко Арминио, Юрия Нагибина... Реестр при желании можно растянуть на несколько страниц.

Отдельно хочется сказать об украинской литературе. После 'Журнала' Т. Шевченко дневники приобрели статус полноценного литературного жанра. И редко кто из талантливых художников, тех, которых называем хрестоматийными авторами, не обращался к ним. Но, к сожалению, не все литературные 'диариусы' дошли до нашего времени: одни погибли в пожарах мировых войн, страшным смерчем прокатившихся над Украиной, другие уничтожили сами авторы, когда над ними нависала угроза ареста

польскими или большевистскими властями, третьи исчезли в сейфах НКВД и КГБ...

И все же ценным достоянием считаются дневниковые записи Панаса Мирного, Владимира Винниченко (5 основательных томов), Евгения Чикаленко, Александра Довженко, Аркадия Любченко, Павла Тычины, Остапа Вишни, Юрия Смолича, Олеса Гончара (3 тома), Докии Гуменной (более тысячи еще не опубликованных страниц), Ивана Чендея (еще не изданы отдельным томом)... Развитие дневниковой прозы в наше время связано с именами Юрка Гудзя, Людмилы Литвинчук, Василия Захарченко, Владимира Брюггена, Оксаны Смолы, Владимира Базилевского, Дмитрия Нитченко-Чуба, Владимира Бровченко, Евгения Барана...

Еще хочется назвать 'С полочек памяти' М.Медуницы, 'Дивосвит' и 'Дорогами судьбы' Владимира Бойчука, 'Луговеи' Григория Бондаря, 'На то оно и сердце...' Ольги Яворской. К тому же ряду относятся лирическая проза Ивана Захарченко, Евгения Шморгуна, Василия Гея, Владимира Бровченко.

Но вернемся к дневникам блаженного Иоанна. На мой взгляд, они ближе всего стоят к дневникам Иоанна Кронштадтского, которые сегодня стали достоянием более широкого читательского круга. Но духовные записи Кронштадтского мало структурированы, невероятно хаотичны и стихийны. Чтобы найти философскую или художественную жемчужину, приходится перелопачивать много словесной руды. Не то у блаженного Иоанна, где записи хорошо структурированы, композиционно ограничены, а лишнее беспощадно отсечено.

Их красота и сила, новизна и новаторство – в визионерском постижении непознанного, смелом прорыве в горня, которое, конечно, открывается смертному человеку как воля Всевышнего. И кроме того, они свидетельствуют о новом этапе становления души как отдельного человека, так и человеческого общества в целом. А параллельно – это новый этап развития дневниковой прозы.

Объяснить логическими аргументами и цитатами это утверждение можно, но лучше всего положиться на ощущение

ния души, поскольку дневники остаются наиболее таинственным и мистическим жанром.

Главное, что должен передавать дневник – настроение. Оно разное в разные минуты жизни. Но именно оно заставляет человека хвататься за перо – ищет выхода в слове. Неутомимые ‘дневники’ мало обращают внимания на стилистику, поэтому их свитки остаются пестрыми и разноплановыми.

У блаженного Иоанна каждое слово не просто на месте, не только выношено и выстрадано, а послано с неба. У него нет неважных или лишних описаний, чрезмерно растянутых пассажей или небрежных фраз. Его стилистика отшлифована, отточенная фраза сжата до невероятной плотности и потому болезненная и детонирующая. Его речь пересыпана редко используемыми, часто архаичными словами, но именно они позволяют создать особую атмосферу, к которой больше всего подходит определение ‘литургичность’.

Автор счастливо избегает голой констатации фактов, перечня незначительных событий, а разрозненные записи, как разноцветная смальта, создают удивительную и прекрас-

ную мозаику. Эти дневники можно читать с любой страницы без всякого ущерба для восприятия текста (по крайней мере, так делаю я и советую другим), и это кажется мне невероятно созвучным нашему летучему времени: читатель успевает прочитать и осмыслить отдельный фрагмент между двумя остановками метро.

Форма для автора – не только форма, то есть не только сосуд, который он наполняет определенным напитком. Она так же важна для него, как и сам напиток. Уже одно графическое размещение строк вызывает у него учащенное сердцебиение. Убежден, что сокрытая, непроявленная сила этой прозы со временем будет набирать все новые качества, как хорошее вино.

Блаженный Иоанн не только глубокий, мудрый и исключительно лирический прозаик. Он пишет, как дышит, без малейшей принужденности. В каждой фразе, даже в каждом слове чувствуется бессмертный свет его души и мессианистического избранничества.

Но не все здесь замыкается только на уровне слова. Если автор пишет со слезой – заплачет и читатель, если улыбается – улыбнется и он. Эмоции, настроение, чувства каким-то странным образом смыкаются между словами и между строками, и как невидимый ток перебегают от автора к читателю.

Ему чужды сухость, голая дидактика и академическая спесь, которой так грешат современные миссионеры, новейшие теологи и ярые проповедники. Все у него замешано на сковородинской¹ простоте и ясности, где сложное не нужно, а нужное не сложно.

Он пишет доступно и вдохновенно, просто и честно, без каких-либо туманных аллегорий и хитроумных кодов. Пробует разобраться в событиях и характерных явлениях, не чурается путевых заметок, но притом неизменно открывает мистическую завесу трансцендентного, воспевая осанну всевышней любви.

---

¹ Григорий Сковорода – великий украинский философ XVIII в.

Эти дневниковые записи должны также сказать нам: если хочешь хоть что-то понять в этом мире и приблизиться к логике Бога, то должен заглянуть в свою душу, положить-ся на собственный опыт и проанализировать свои чувства, страдания и радости. И это поможет тебе лучше понять и полюбить душу ближнего, наполнить ее светом жертвенной преданности ('Ночью размываются лица ближних и становятся чудесными'). Именно любовь ('потрясения небесной добротой') – это тот краеугольный камень, на котором держится вся мировоззренческая концепция блаженного Иоанна. Любовь неопишущая, безграничная, всепоглощающая, которой еще не знает мир.

Дневники блаженного Иоанна это также переход в другие измерения, вознесение в Царство Божье, отметки на пути к спасению вечной души. Придет время, когда его будут читать массово, хотя сегодня он еще остается автором для избранного круга людей – тех, у кого есть, так сказать, соответствующая духовная и эстетическая подготовка.

Блаженный Иоанн переливает в дневник каждый свой шаг, каждую мысль, каждое счастливое озарение, а еще боли, сомнения и поиски. И так маняще и радостно идти за ним на этом непростом пути возрастания к Абсолюту.

И еще такая мысль.

Рембрандт оставил почти сотню автопортретов.

И каждый талантливый художник от Дюрера до Шевченко – десятки.

Автопортрет писателя – это дневник. Дневник блаженного Иоанна – автопортрет его души. Большой и многогранной, избранной Богом для особой миссии. Но здесь также его жизненная позиция, преданность идеалам правды, добра и свободы, несокрушимость духа, пламенная любовь к Небесному Отцу и цивилизации, освобожденной от скверны и сатанинского наваждения.

Петро Сорока

ДНЕВНИКИ

Светопись Слова

Умиле рассказываю
и все адико
о вас вон
из истории

О — 1, 1999
30/09

с 6:00 по
сегодня

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

10:00 по

Каждый день —
первый
и каждая строка —
последняя.

*М*оей рукой водят херувимы.

*Д*невники – таинственный жанр! Избегаю событий, выношу их за скобки, хотя они подобны многотысячной аудитории: исцеления, премиальный эфир...

Но дневники для меня другое – измерение веры, беседа с невидимым кем-то, собеседником чудесным, совершенным, идеальным, вечным.

Потому дневники и переходят в вечность, как каждый ход в шахматах.

*Д*ialog – не разговор, а нечто большее: покой.
Нет диалога – нет мира.

Дневники для меня – арка вступления в запретное сокровенное общение. Впервые стало страшно от диктуемого текста. Осознать не могу. У самого себя списываю.

Моя пустыня – запись. Мой собеседник – Бог.

Спасение в городе одно: не выходить из пустыньки. Дневник, молитва, друг. Слезы, радость, неразлучность, вечность. Аллилуйя на устах.

Дневники пишутся тогда, когда каждое слово обжигает сердце.

Нравилось мне всегда прятаться за какого-то юродивого 'себя-инкогнито', чтобы в дневнике не быть мне узанным. Тогда только и говорил я в открытую. В этой никем-не-узнанности заключалась сокровенная тайна выраженности больше-себя-самого.

Успокаиваюсь, когда пишу.

Дневники говорят не о себе. Фиксируют не летопись настоящего и не мысли, а что-то более сокровенное, о чем не могут сказать романы, статьи, надписи на фотографиях, личные или исторические хроники, газетные колонки...

*И*дентификация немислима, пока не высвободит-
ся неслышанный потенциал, и негасимая свеча не
осветит внутренние погреба.

*Е*сть дневниковая сфера. Есть дневниковая инто-
нация. Есть дневниковое общение, если понимать
под ним сокровенный диалог. Каждый тяготеет к
такому, если действительно человек мыслящий,
серьезный, а не заморочка захолюстная, перека-
ти-поле, мотаемый по ветру листок осенний...

*Е*сли дневник вместо псалтыри, то лучше псал-
тырь. Дневник есть право монаху на личную
жизнь – только без греха.

В дневнике нельзя выходить за рамки личного видения, откровения, мысли. Дневник красен сокровенной субъективностью. Люди хотят прочитать о том, что ты никому бы сроду не высказал. О смысле дневника не скажешь прекраснее, чем первый стих 117 псалма: *'Исповедуйтесь Господеви'*. Жаждет душа исповедаться и не может: некому. Потому и пишет дневник.

*Д*невники мои нужны затем, что оттачивают ум, преосевают. Это, по сути, хроника сокровенного преосенения. Есть два Иоанна. Один уже слеплен свыше. Другой - личный, сокровенный, вмещающийся в рамки дышащей миазмами плоти, мечущийся, страстной.

Если строки дневника нельзя переложить, как на ноты, на 'Господи, помилуй', грош им цена. И ангел не внемлет им в час малого суда

Дневник писать можно только ночью. Жить можно только ночью, поскольку лукавый ничего не может сделать с помазанником.

Считываю атлантические свитки небес.

Теперь понимаю: поэтическая и музыкальная сферы религиозны независимо от степени религиозности автора.

Убежден, что делаю нечто большее, чем просто пишу книги. Списывая с неба, вместе с ответной последней каплей я возвращаю бесценное земное письмо. От земли запечатляю на небесном экране то, что однажды опять вернется на землю.

Днем мучаешься отсутствием света. А ночью постигаешь мир, которого земля не знает.

Эти дневники будут читать еще тысячу лет.

Им нет конца,
как у мальчика еще нет лица,
как у бездомного нет прописки
в этом мире, скользком и слизком.

Ночь – священное время просветления ума.

Заметки, написанные под действием чтения своих же дневников...

Удивляюсь такому измерению. Здесь я особый – ‘дневниковый’ Иоанн. Помимо десяти измерений (отец-пастырь-помазанник-писатель-проповедник-молитвенник-пророк-исповедник-собеседник-издатель) – еще в какой-то таинственной ипостаси, в которой выступает и собеседник мой невидимый.

Неуловимая манера письма – тоска по зэковской камере.

*Ч*ем больше говоришь, тем больше остается невысказанным Логос.

*В*ижу на тысячи лет вперед.

Я писатель одной темы – любви, какой нет на земле. И думаю... Человечество уже написало 300 миллионов томов неведь о чем. Кто о космических похождениях Бэтмена, кто выдумал очередной детективный сюжет для голливудского блокбастера, кто еще какую-то новинку сочинил... А придет час, когда – о, зазвонит колокол Ковчега. И человечество скажет: нет никого, кроме Него, Возлюбленного моего.

Не то что писать не могу – теряю здравый смысл. Вижу перед собой белый свиток, протягиваю руку – и времени нет. Нет, я отдал уже все, что мог!.. – Но снова и снова накатывается блаженное письмо.

Дневники читать можно только посмертно. Сохраняется особый очищенный голос. А при жизни читать невозможно. Что-то теряется. Теряется тот, кто их написал и что-то большее его самого.

Для меня дневники – один из способов выразить невозможное в человеке, большее-его-самого, чего он сам о себе не подозревает. Но познав, счастлив стал бы.

...*Но* Слово – Слово выше музыки, запаха и света.
Слово заключает само Божество.

Для творческого человека принцип №1 – смирение. Если смирит свои амбиции, Бог даст ему все, что он захочет, в благодарность за то, что он прославил Его в своем творчестве.

Я не выдумываю новой религии. Я всего лишь раскрываю таинственные планы Божества.

*Д*невниковое блаженство бесконечно, как непорочность.

Я не считаю дневник односторонней беседой, обращенной к слепоглухонемому 'восторжику'-слушателю. Называю эти записки именно диалогом и жду ответных неизреченных записей от чудных собеседников своих...

*К*то пишет длинно - несмирен. Лаконизм - писательский аскетизм, хлеб и вода.

*О*тчего так много пишу? Да вообще не пишу! Слишком много есть что сказать. Пишется... Кто-то водит моей рукой. Таинство неземное, письмо ночное страстнóе - как хождение за тридевять земель в царство.

*Не*кому исповедаться, врата закрылись. Остается дневник. Изливай на нем сердце. Приобщайся к сфере подобных тебе.

Если бы не ангельская режиссура, чего бы стояли наши мистерии, шествия, одежды?

Пишу дневник, поскольку не знаю другого способа уцепиться за Него. Как Иаков в борьбе с Не-кто, пока не благословит умереть на Его руках.

В XXI веке сохранятся только дневники заключенных.

Я пишу только о том, что не могу выразить, что нельзя выразить словами.

Какая скорбь предшествовала, какое страстное! Акафист был написан за каких-то несколько часов. Но сколько тысяч лет готовился он. Сколько душ своими предсмертными стонами запечатлело хотя бы одну восьмую паузу из этого акафиста! Потому-то тысячи присутствующих рыдали, и Небо роняло слезы.

Я пишу только потому, что пытаюсь выразить словами неописуемый восторг пребывания на Соловьиной горе, пребывания в Царствии.

*В*черашние штампы сегодня не действуют.

*Д*невник пишу оттого, что боль высказать некому. И совесть гложет. Грехи прощаются, а Бог отступает. И чем-то надо заполнить часы, ничем не восполнимые. Драгоценное время безвозвратно уходит впустую, как вымытая бутылка из-под вина.

*И*ногда думаю: отчего столько пишу?
Потому что учеников много.

*М*узыка Царствия звучит круглосуточно.

Сердце поэта помнит обо всем забытом, даже о старом разбитом корыте.

Нельзя писать не кровью.

То, чему я учу, есть абсолютная истина, данная свыше. И она еще будет подтверждена в дальнейшем. Бог подтвердит истинность каждого моего слова (в свой час, когда меня уже не будет на земле). Бог прославит ученика и помазанника Своего. А в этой жизни дает скорбеть и быть оклеветанным и гонимым для стяжания венца Святого Граля, золотого венца Новой Святой Руси, Соловецкого, солнечного.

Как внезапно приходит мысль! Игнорируя атмосферу лурдской мусорной свалки или готического кельнского костела, или мраморных ступеней какого-нибудь пятизвездочного 'Фабер-отеля'. Воистину, откуда приходит и куда уходит? Не знаю.

*К*нига жизни пишется с перерывами.

*З*а полчаса дневника можно многое отдать. Божественная верстка.

Я всегда о том, что словами не выразить...

Боже мой, Боже мой, какой грех – отрицать свое время! Я люблю его, каково оно есть. Я страстно влюблен в своих современников. Я безумно люблю негров, американских ‘чернокожих’ за то что они пережили трехсотлетний Гулаг, за их прободенные и великие сердца. Мне нравится, как проповедуют их харизматические гориллы, как они рычат от лица Господня, подобно львам. И в такт по-шамански ритмично прихожанки кивают головами: мол, истинно так, согласно воле Вышнего, отзывается в сердцах наших.

Духовный человек ведет дневники с той же целью, с которой отправляется паломник в святые места. Это поиски мира, разговор с Богом.

Да, друзья мои, эта неслыханная записная книжка – поныне самиздатовский дневник, хотя раскуплены уже миллиарды изданий. Никем не прочитан, никем не понят. Послание для невест.

Есть небольшая разница между письмом и дневником.

Дневник – нечто, чего другому ни под каким предлогом не скажешь... Не знаю – для себя что ли?.. Перед самым сокровенным экраном читаю прожитое.

Счастлив, что становлюсь добрее с каждой минутой.

*К*нига завершена не тогда, когда написана, издана, прочитана... Нет, печать духа ставится лишь тогда, когда страдаешь за нее, свое детище. И признак сатанизма – получить за нее тридцать серебряных.

Не пострадал за книгу – нет, не в процессе ее написания (ведь глаза портятся даже у графоманов), а после, – не искупил ее греха.

Я небесной державы посланец. Транслирую коды, превращаю в светопись Слѡва.

*Ч*ем дальше от мира, тем величественнее одиночество.

Книги и люди составляют некую единую тайну: люди – книги, а книги – люди. Человек – живая книга. В нем запечатлены книга жизни и книга судеб (один из 144 внутренних замков человека, которые я воспеваю – книга судеб). Судьба книги как судьба человека.

Ночные дневники предполагают иного рода диктовку – сокровенную, куда-то в превечную память, на нестираемую скрижаль, адресованную к провиденциальному собеседнику, которым буквально брежу... и который с каждым часом все ближе из-за невозможности земного общения, воочию.

*С*тиль мой изменился, как у позднего Кьеркегора. Гайденко больше не напишет рукопись о юрисконсульте датском экзистенциалисте. Теперь пишу как бы ни о чем и вроде бы впустую. Но сколько теплых течений в ледящих морских ветрах! Сколько таинственных знаков и страстных стонов!

*М*ысли кружатся в воздухе, как пух тополиный.

*П*оиск истины – самое надежное оружие против злобы.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5   ПРЕДИСЛОВИЕ
      ...И Христос, и алтарь, и Соловки, и свеча...
      или энциклопедия дат, времен, мыслей,
      страданий
- 19   ДНЕВНИКИ
      Светопись Слова
- 43   О СЕБЕ
      Светлячок в ночи
- 75   СОЛОВЬИНАЯ ГОРА
      Страстная оставленность

- 81 ЛИТУРГИЯ
Духовная свеча
- 89 ХРИСТОС
Огонь любви
- 109 БОГОРОДИЦА
Щит и покров
- 123 ЧЕЛОВЕК
Ангел любви, больший самого себя
- 165 ЛЮБОВЬ
Огненное объяснение в любви
- 183 ЦЕРКОВЬ
Разговор души с Богом
- 205 КРЕСТ
Сумма всех блаженств

- 223 НЕБО И ЗЕМЛЯ
Божий мир благоговееет перед земным
- 229 ЛИТЕРАТУРА И МУЗЫКА
Белые вороны
- 259 РОССИЯ
Брань за новую державу
- 273 УКРАИНА
Архетипическая Гиперборея
- 277 ЧАША ГРААЛЯ
Дыхание Святого Духа
- 285 БРАНЬ И СТРАСТНОЕ
Любовь немислима без боли
- 295 КАТАРЫ
Солнце любви, которого не знает земля

- 307   ЕВФРОСИНИЯ
Богородица неземного Почаева
- 321   ПРЕМУДРОСТЬ
Любовь неизреченная
- 329   АДАМИТЫ И СЕРАФИТЫ
Луна и солнце
- 337   ГРЕХ
Пещерный иллюзион
- 343   ФАРИСЕЙСТВО
Спуск воды в унитазе
- 353   ПРЕОБРАЖЕНИЕ
Растет душа
- 365   ЮРОДСТВО
Юродивых совесть не мучает

- 373** СМЕРТЬ
Суд последней правды
- 381** ИРОНИЧЕСКОЕ
Из арсенала эрудита
- 386** ПРИЛОЖЕНИЕ
Блаженный Иоанн: автобиография